

А. Б. Шлуинский

ПОЛИСЕМИЯ ХАБИТУАЛИС — ФУТУРУМ: ПОКАЗАТЕЛЬ -МА В ЯЗЫКЕ СУСУ¹.

Настоящая работа посвящена разбору интересного частного случая своеобразной грамматической полисемии, которая активно обсуждается в последнее время в работах по грамматической семантике [Bybee et al. 1994: 275-279], [Haspelmath 1998], [Татевосов 2004]. Речь идет о совмещении у одного и того же глагольного показателя значения хабитуалиса и значения будущего времени; показатели такого типа могут употребляться для описания ситуации, регулярно имеющей место в настоящем, либо для описания единичной ситуации, отнесенной к будущему, но не для описания единичной ситуации, происходящей в момент речи.

Ярким примером такого грамматического показателя является суффикс *-ma* в языке сусу. Так, предложение (1), если рассматривать его без более широкого контекста, может иметь два основных значения, соответствующие переводам (1.1) и (1.2):

- (1) a   kedi-ye   sebe-ma.
      он   бумага-PL   писать-НАВ
      ‘1. (Что твой брат обычно делает после завтрака? —) Он пишет письма.’ {ТМАQ 18}².

---

¹ Материал, используемый в настоящей статье, получен от информанта-переводчика Умара Камара, которому автор выражает самую сердечную благодарность. За ценные замечания к настоящей статье и неизменную поддержку в работе над сусу хотелось бы поблагодарить В. А. Плуногяна. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80258а.

² Пометы типа {ТМАQ 18} указывают на то, что пример является реакцией нашего информанта на соответствующий контекст знаменитой анкеты по глагольным категориям Tense — Modality — Aspect Questionnaire, предлагаемой и используемой в качестве основного инструмента исследования в [Dahl 1985].

‘2. (Чем будет занят твой брат, когда мы к нему придем? —) Он будет писать письма.’ {ТМАQ 16}.

В [Houis 1963: 117—118] показатель *-ta* (в авторской терминологии — “projectif”) характеризуется как средство для выражения обоих значений. В более поздней работе [Toure 1994: 249—250] *-ta* в значении, иллюстрируемом (1.1), и *-ta* в значении, иллюстрируемом (1.2), характеризуются как омонимичные показатели, однако специальных оснований предполагать, что эти два значения никак друг с другом не связаны, нет. Более того, как мы покажем в настоящей работе, семантическую связь между ними следует считать прозрачной и типологически регулярной.

В [Vybe et al. 1994] предлагается следующее предположительное объяснение существования показателей, имеющих два основных значения — хабитуальное и значения будущего времени. Оба значения признаются результатом семантического развития эпизодического употребления настоящего времени. Тот факт, что настоящее время с неограниченной дистрибуцией (то есть распространяющейся в том числе и на стативные предикаты типа ‘знать’) всегда имеет, помимо эпизодических, хабитуальные употребления, показан еще в [Comrie 1976]; развитие у настоящего времени с широкой семантикой употреблений с референцией к будущему является, опять же, известной и давно установленной возможностью, простейшим примером являются употребления русского настоящего времени типа *Я завтра уезжаю в Москву*. С другой стороны, известно, что при появлении в языке более новых показателей Прогрессива круг употреблений старых форм настоящего времени сужается, за счет чего они становятся показателями хабитуалиса: «Тот факт, что употребления с референцией к будущему у форм настоящего времени развиваются поздно, дает возможность объяснить, почему в некоторых случаях употребления с референцией к будущему совмещаются лишь с частью употреблений, характерных для форм настоящего времени. В таких случаях, возможно, дело в том, что недавно появившийся показатель настоящего времени взял на себя центральные употребления с референцией к настоящему, оставив старому показателю множество бо-

лее периферийных функций»³ [Bybee et al. 1994: 277]. Если у Дж. Байби и ее соавторов указанное объяснение имеет сугубо гипотетический характер, то М. Хаспельмат [Haspelmath 1998] придает ему статус теоретически значимого типологического обобщения: «Типичный показатель настоящего времени имеет как прогрессивные, так и хабитуальные употребления и очень часто используется также в контекстах с референцией к будущему... Когда прогрессивные употребления [этого показателя — *А. Ш.*] исчезают из языка в результате возникновения новой прогрессивной конструкции, остаются только периферийные хабитуальные и футуральные употребления»⁴ [Haspelmath 1998: 48].

Альтернативное объяснение предлагается в недавней работе [Татевосов 2004]. На материале андийских языков нахско-дагестанской семьи С. Г. Татевосов показывает принципиальную возможность возникновения значения будущего времени из хабитуального значения. Иными словами, хабитуально-футуральная полисемия объясняется не наличием у этих двух типов употреблений «общего предка» с прогрессивной семантикой, а появлением одного типа употреблений на базе другого. Промежуточным звеном между хабитуальным значением и значением будущего времени являются, согласно [Татевосов 2004], модальные значения возможности: известна как связь между хабитуальным значением и значением возможности, так и связь между значением возможности и значением будущего времени (см. подробнее ниже). Такое объяснение хабитуально-футуральной полисемии, безусловно, является более привлекательным: в частности, не требуется постулирование *ad hoc* у показателя, предыстория которого неизвестна, тех или иных употреблений в прошлом. Более того, именно такой путь диахронического

---

³ “The fact that the future use of a present is a late development may help to explain why in some cases future is coupled with uses that are just a subset of the general present uses. In such cases it may be that a newly developed present has taken over the early core uses of the present and left the old present to serve a miscellaneous set of functions”.

⁴ “A typical present has both progressive and habitual uses, and very often it can also be used for future time reference... When the progressive use disappears from the language as a result of the rise of the new progressive construction, only the two peripheral uses habitual and future remain”.

развития можно предполагать и в целом для развития значения будущего времени с широкой семантикой у показателя настоящего времени⁵; факты, которые противоречили бы возникновению футурального значения из хабитуального, к настоящему моменту не обсуждались ни для какого из известных случаев такого перехода.

Для того, чтобы можно было говорить об этом более уверенно, требуется, однако, более серьезная эмпирическая проверка. Цель настоящей статьи — рассмотреть употребление показателя, являющегося характерным примером хабитуально-футуральной полисемии, в языке совсем иной генетической и ареальной принадлежности. Разумеется, единичный случай не может быть основанием для того, чтобы поставить точку в обсуждаемой проблематике, но, тем не менее, демонстрируемые нами факты представляют для нее несомненный интерес.

Стандартные хабитуальные употребления показателя *-ma* в языке сусу иллюстрируются примерами (2)—(3). В обоих случаях речь идет о систематическом и регулярном повторении некоторой ситуации один раз в определенный промежуток времени. Так, (2) описывает ситуацию, которая имела место регулярно в прошлом, (3) также характеризует ежедневную ситуацию, в которой участвует говорящий⁶:

(2) lɔxɔ-e   yo   lɔxɔ   ngo   nu   kule   kerɪ-ma
  день-PL   или   день   мы.EXC   RETR   обезьяна   гонять-НАВ
alako   e   naɣa   banani   don.
чтобы.не   они   CONS   банан   есть
‘Каждый день мы гоняли обезьян, чтобы они не ели бананы.’

---

⁵ Развитие единственного частного значения запланированного будущего, представленного в обсуждавшемся выше примере *Я завтра уезжаю в Москву*, несомненно, следует рассматривать отдельно. Значение запланированного будущего регулярно возникает у показателей с прогрессивным значением, ср. характерный пример с английским Прогрессивом *I am leaving for Moscow tomorrow* ‘Завтра я уезжаю в Москву’.

⁶ В сочетании с показателем ретроспективного сдвига *ni* показатель *-ma* имеет референцию к прошлому, сохраняя притом свою семантику. Далее мы без специальных оговорок будем приводить примеры на хабитуальные употребления показателя *-ma* с референцией к прошлому в контексте *ni*.

- (3) n keli-ma gesege subaxa.
 я вставать-НАВ утро рано
 ‘{Говорящий рассказывает о своих привычках} Я встаю рано утром.’ {ТМАQ 71}

Показатель *-ma* используется и в других контекстах, относящихся к семантической зоне хабитуалиса (см. о них нашу публикацию [Шлуинский 2006]). Так, например, предложение (4) имеет значение фреквентатива, то есть описывает ситуацию, которая имеет место регулярно и часто. Предложение (5) имеет значение характеристики, то есть описывает ситуацию, систематическое участие в которой является характеристикой субъекта. Предложение (6) описывает свойство некоторого индивида, которое скорее характеризует его внутренние качества, чем регулярное наступление некоторого события. Наконец, предложение (7) имеет генерическое значение, характеризуя целый класс объектов:

- (4) n mama nu boge ŋin-ma.
 я бабушка RETR суп варить-НАВ
 ‘Моя бабушка часто варила суп.’
- (5) temui birin n mama nu sube gilin-ma.
 время всякий я бабушка RETR мясо жарить-НАВ
 ‘Моя бабушка все время жарила мясо.’
- (6) n tanu nu jembe mim-ma.
 я дедушка RETR сигарета пить-НАВ
 ‘Мой дедушка курил [=пил сигареты].’
- (7) ŋagi wa-ma.
 кошка плакать-НАВ
 ‘(Какой звук издают кошки? —) Кошки мяукают [букв. плачут].’
 {ТМАQ 73}

Наиболее интересным здесь для нас, однако, является значение, которое применительно к семантической зоне хабитуалиса принято называть капацитивным. В этом случае характеризуется не только и не

столько регулярное наступление ситуации, сколько способность индивида в ней участвовать. Так, в частности, в (8) речь идет о том, что сестра говорящего умела варить суп, и фактически ничего не сообщается о том, делала ли она это регулярно:

- (8) n хунуа gine ma nu bore ŋin-ma
 я младший.брат женщина 1 RETR суп варить-НАВ
 a jete ga.
 он сам DEF
 ‘(Когда я вернулся), моя младшая сестра сама варила суп.’

Семантика (8) имеет сугубо модальный характер и может быть охарактеризована как семантика внутренней (“participant-internal” в терминах [van der Auwera, Plungian 1998]) возможности, то есть возможности, существующей благодаря внутренним свойствам индивида. Это значение является наиболее близким к стандартному хабитуальному модальным значением; капацитивные употребления есть у многих форм, имеющих хабитуальное значение, как, например, у русского несовершенного вида в переводе предложения (8).

Показатель *-ma* употребляется и в контекстах внутренней возможности, значение которых несводимо собственно к умению как к навыку, который индивид приобретает в результате многократного участия в ситуации. (8), несомненно, подразумевает, что индивид хотя бы раз (а скорее всего, неоднократно) участвовал в соответствующей ситуации, за счет чего и приобрел способность, о которой идет речь. Однако (9), также характеризуя возможность, которая имеет место благодаря внутренним свойствам объекта, вовсе не требует того, чтобы соответствующая ситуация хотя бы раз имела место; сообщается лишь о том, что индивидуальные особенности двери таковы, что есть принципиальная возможность открыть ее быстро:

- (9) yi nade rabi-ma mafuren.
 этот дверь отрывать-НАВ быстро
 ‘Эту дверь можно открыть быстро.’

Предложения (10)—(11) иллюстрируют дальнейшее развитие модальной семантики возможности — значение эпистемической мо-

дальности⁷. Это значение, в отличие от значения внутренней возможности, уже не связано с хабитуальностью. В данном случае речь идет об оценке говорящим вероятности осуществления некоторой ситуации исходя из довольно широкого круга знаний об объектах окружающего мира. Если (10) имеет и небольшой семантический компонент внутренней возможности (говорящим оценивается в первую очередь вероятность наличия у индивида внутренней способности), то значение (11) представляет собой эпистемическую модальность в более чистом виде:

(10) n taга nade rabi-ma.
я старший.брат дверь открывать-НАВ
'(Иди к моему брату, у него есть ключ). Мой (старший) брат откроет дверь.'

(11) a kedi sebe-ma ne n ma.
он бумага писать-НАВ ASS я к
'(Как ты думаешь, что сделает твой брат, если ты не придешь к нему сегодня? —) Он напишет мне письмо {TMAQ 15}.'

Важно заметить, что события, вероятность осуществления которых оценивается в (10)—(11), локализованы в будущем. Эпистемическая модальность, направленная в будущее, непосредственно связана со значением предиктивного будущего (см. о частных значениях будущего времени [Dahl 1985: 105—108], см. также [Haspelmath 1998]), состоящего в предсказании тех или иных событий на основании жизненного опыта говорящего. Единственное, чем семантика предиктивных предложений (12)–(13) отличается от семантики предложений (10)—(11), — это степень уверенности говорящего в наступлении в будущем соответствующих событий, которая в данном случае существенно выше:

---

⁷ Мы опускаем здесь промежуточное между внутренней модальностью возможности и эпистемической модальностью значение внешней ("participant-external" в терминах [van der Auwera, Plungian 1998]) возможности, то есть возможности, обусловленной не внутренними свойствами индивида, а, напротив, с устройством внешнего мира.

(12) i na geme sa yi gbonfe kui,
 ты COND камень класть этот сумка в
 a bo-ma ne.
 он рваться-НАВ ASS
 ‘Если ты положишь в эту сумку камень, она порвется.’ {TMAQ 79}

(13) i faxa-ma ne.
 ты умирать-НАВ ASS
 (Что будет, если я съем этот гриб? —) Ты умрешь.’ {TMAQ 81}

Значение будущего предиктивного является отправной точкой для развития у соответствующего показателя других футуральных значений. Наиболее близким к предиктивному значению является проспективное, состоящее в том, что говорящий делает вывод о том, что в будущем будет иметь место определенная ситуация, на основании конкретных предпосылок к ее осуществлению, имеющих место в настоящем. Так, например, предложение (14) подразумевает, что вывод о наступлении события в будущем говорящий делает исходя из того, что непосредственно наблюдает в момент речи:

(14) e kote gaso-ma be ne jakəsi.
 они багаж вносить-НАВ здесь ASS скоро⁸
 ‘{Говорящий видит в окне людей с чемоданами} Они сейчас внесут сюда багаж.’ [Toure 1994: 249]

Предложения (15)—(16) имеют более удаленное от значения эпистемической модальности значение будущего интенционального, подразумевающее, что наступление ситуации в будущем обусловлено намерениями ее агентивного участника. Если в случае (15) интенциональное значение соединено с проспективным (намерение участника само по себе является сильной предпосылкой для наступления ситуации), то (16) описывает намерение в чистом виде:

(15) n kedi-ye sebe-ma.
 я бумага-PL писать-НАВ
 ‘(Что ты собираешься сейчас делать? —) Я напишу письма.’
 {TMAQ 22}

⁸ Перевод [Toure 1994: 249] — “dans un instant”.

- (16) n na mɔ, n banxi bele-bele
 я COND расти я дом большой-большой
 saga-ma nɛ.
 покупать-НАВ ASS
 ‘Когда я вырасту, я куплю большой дом.’ {ТМАQ 152}

Наконец, интенциональное будущее семантически непосредственно связано с будущим запланированным, когда описывается ситуация, наступление которой в будущем является осуществлением чьей-либо воли, выраженной до момента речи. Так, в (17) речь идет о ситуации в будущем, которая зависит от решения, принятого задолго до произнесения этого высказывания:

- (17) tina won mu wali-ma.
 завтра мы.INC NEG работать-НАВ
 ‘(Согласно контракту) завтра мы не работаем.’ {ТМАQ 82}

Таким образом, круг употреблений суффикса *-ta* в языке сусу полностью соответствует набору значений, необходимому для развития у показателя с исходной хабитуальной семантикой значения будущего времени. Воспроизведем здесь (с некоторыми модификациями в деталях) путь развития футуральной семантики у хабитуального показателя, предлагаемый в [Татевосов 2004]:

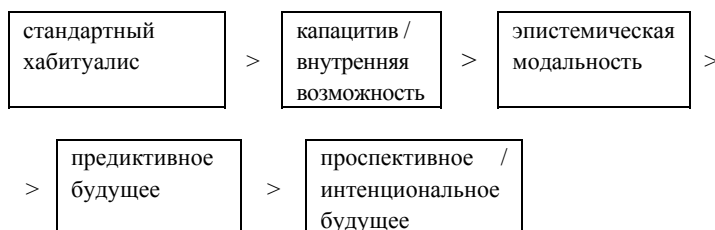

Схема 1. Путь развития футуральной семантики у хабитуального показателя по [Татевосов 2004].

Материал языка сусу подтверждает семантический путь, представленный на схеме 1 и предложенный на материале андийских языков: наличие у этого показателя полисемии, включающей модальные значе-

ния, является сильным аргументом в его пользу. Основное отличие суффикса *-ta* от андийских хабикуальных показателей состоит в том, что если футуральные употребления последних ограничены предиктивным будущим и потому для них можно говорить только о потенциальной возможности развития полного спектра значений будущего времени, то *-ta* является засвидетельствованным примером появления этих значений у показателя с исходным хабикуальным значением.

Следует, однако, указать здесь на известные сведения относительно происхождения этого показателя. Важнейшая информация этого рода дает сопоставление сусу с близкородственным ему языком джалонке. По данным Ф. Люпке [Lürke 2005: 122—123], в джалонке эта форма является имперфективом с широкой семантикой, то есть включающим как прогрессивные, так и хабикуальные употребления. В качестве возможной этимологии показателя *-ta* Ф. Люпке указывает на послелог *ta* 'к' (сохранившийся в качестве послелога и в джалонке, и в сусу, ср. наш пример (11)). Послелоги (или предлоги) такого рода являются известным источником возникновения прогрессива; следовательно, можно говорить о том, что исходным значением показателя *-ta* является прогрессивное, а последующим хабикуальное. Это, в свою очередь никак не противоречит тому, что его футуральные употребления, занимающие центральное место в сусу (и периферийные, согласно [Lürke 2005], в джалонке), являются развитием уже хабикуального значения.

Существенное преимущество предлагаемого в [Татевосов 2004] и в целом подтверждаемого материалом, обсуждаемым в настоящей статье, пути семантического развития состоит в том, что он должен быть одинаковым как для хабикуалиса, возникшего на основании имперфективной формы с более широкой семантикой, так и для хабикуалиса, имеющего любые другие диахронические источники. Материал сусу, однако, как и материал андийских языков, рассматриваемый в цитируемой работе, дает, если посмотреть на развитие соответствующих показателей более широко, пример семантического развития прогрессива. Если описанный нами путь семантического развития показателя *-ta* может быть постулирован независимо от его происхождения, то возможность применения к нему гипотезы [Haspelmath 1998] зависит от того факта, что в прошлом этот показатель был показателем прогрессива; следует, одна-

ко, еще раз обратить внимание на то, что для сусу этот факт соответствует действительности. В будущем во многом прояснить обсуждаемую нами проблему должно обнаружение или не обнаружение в языках мира показателей с хабитуально-футуральной полисемией, у которого, во-первых, хабитуальное значение было бы исходным, а во-вторых, происхождение было бы не связанным с прогрессивом.

Для полноты картины обсудим теперь поведение в контексте показателя Хабитуалиса глагольных лексем, соответствующих предикатам «индивидуального», а не «стадиального» уровня (данное семантическое различие восходит к [Carlson 1977]). Предикаты «индивидуального» уровня характеризуются тем, что описывают существенные свойства некоторого индивида, которые в нормальном случае сохраняются у него в течение всего срока его существования. Так, например, предложение *Маша любит гречневую кашу* характеризует пристрастия человека, которые остаются неизменными в течение всей его жизни.

Показатель *-ta* в языке сусу, как хабитуальные показатели многих других языков и — в частности — показатели Хабитуалиса андийских языков, рассматриваемых в [Татевосов 2004], при присоединении к глаголу, соответствующему предикату индивидуального уровня, описывает единичную длительную ситуацию⁹:

(18) n   tama   nu   gaхu-та   baгe   jara.
я   бабушка   RETR   бояться-НАВ   собака   перед
'Моя бабушка боялась собак.'

Поскольку развитие семантики внутренней возможности непосредственно связано со стандартным хабитуальным значением регулярного повторения, которое несовместимо с предикатами индивидуального уровня, естественно предположение о том, что путь диахронического развития, представленный на схеме 1, должен охватывать предикаты индивидуального уров-

---

⁹ Такое поведение показателей хабитуалиса широко известно; наиболее доступным примером является употребление хабитуальной конструкции *used to* в английском языке, ср. *I'm not half the man I used to be* (*The Beatles*) 'Я не являюсь и половиной того человека, которым я был / *бывал'. Следует, однако огворить, что такие употребления не являются универсальными для любых хабитуальных показателей, см. подробнее [Шлуинский 2006].

ня в последнюю очередь: «В ходе диахронического развития хаби­туальных форм предикаты стадийного уровня “обгоняют” предикаты инди­видного уровня. Если последние вообще приобретают модальные и футу­ральные употребления, то это происходит на более поздних этапах разви­тия, когда осуществляется лексическая генерализация» [Татевосов 2004: 252]; в частности, в рассматриваемых в цитируемой работе андийских языках эта генерализация еще не произошла и хаби­туально-футуральные показатели в сочетании с глаголами, соответствующими предикатам ин­дивидуального уровня, имеют только референцию к настоящему.

Примечательным, в связи с этим, представляется тот факт, что по­казатель *-ta* в языке сусу способен иметь референцию к будущему и в сочетании с предикатами индивидуального уровня тоже. Так, в (19) мы ви­дим тот же предикат индивидуального уровня, что и в (18), в контексте пре­диктивного будущего:

(19) *ha n no finkari bula-de n naħa keren*
 если я мочь ружье стрелять-INF я CONS один
bun, adonxo-e gaħo-ma ne.
 расстреливать остальных-PL бояться-HAB ASS
 ‘Если я сумею выстрелить из ружья и убью одну (обезьяну), то ос­тальные будут бояться.’

Можно, следовательно, говорить о том, что лексическая генерали­зация, о которой было сказано, происходит на том этапе, когда у исход­ного хаби­туального показателя появляется широкий круг частных фу­туральных значений.

Коротко суммируем сказанное в настоящей статье. Материал языка сусу (показатель *-ta*) подтверждает предлагаемый в [Татевосов 2004] путь диахронического развития значения будущего времени у показате­ля с исходной хаби­туальной семантикой. На базе стандартного хаби­туального значения развивается модальное значение внутренней возмож­ности, далее, через значение эпистемической модальности, значение предиктивного будущего и далее прочие футуральные значения: про­спективное, интенциональное и запланированное. Совмещение широко­го спектра футуральных значений и сохранение притом исходного ха­би­туального значения, засвидетельствованное в сусу, ранее специально

не обсуждалось и представляет значительный теоретический интерес. В качестве дополнительной особенности рассматриваемого показателя мы отмечаем, что в сусу уже произошло обобщение футуральных употреблений на глаголы, соответствующие предикатам индивидуального уровня.

Условные обозначения

1 — 1 лицо	INC — инклюзивное местоимение
ASS — Ассертив	INF — инфинитив
COND — Кондиционалис	NEG — показатель отрицания
CONS — Консекутив	PL — множественное число
DEF — показатель определенности	RETR — показатель ретроспективного сдвига.
EXC — эксклюзивное местоимение	
HAB — Хабитуалис	

Литература

- Татевосов С. Г. *Есть — бывает — будет*: на пути грамматикализации. // Ландер Ю. А., Плуноян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики: ирреали и ирреальность. М., 2004.
- Шлуинский А. Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны. // Вопросы языкознания, № 1, 2006.
- Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, 1994.
- Carlson G. *Reference to Kinds in English*. Ph.D. Dissertation. Amherst, University of Massachusetts, 1977.
- Comrie B. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, 1976.
- Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford, 1985.
- Haspelmath M. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization. // *Diachronica*, №15, vol.1, 1998.
- Houis M. *Etude descriptive de la langue susu*. Dakar, 1963.
- Lüpke F. *A grammar of Jalonke argument structure*. Ph.D. Proefschrift. Nijmegen, Radboud Universiteit, 2005.
- Toure A. *Eléments de description de la langue soso*. Thèse de doctorat. Grenoble, 1994.
- van der Auwera, J., Plungian, V. A. Modality's semantic map. // *Linguistic Typology*, 2, 1998.